

Мельников Михаил Васильевич, Чуркина Наталия Анатольевна

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ НА ОСОБЕННОСТИ МАСКУЛИННЫХ И ФЕМИННЫХ ПРАКТИК В ПРИВАТНОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье предпринимается попытка выявить тенденции в приватной сфере современного общества. Трансформационные процессы, затрагивающие ментальную сферу представителей полов, способствуют изменению отношений мужчин и женщин в домашнем кругу. Феминизация общественной жизни разрушает традиционное распределение ролей в семье и может служить источником конфликтов между полами. В то же время "приватизация" своей жизни рассматривается большинством членов общества как неэффективная жизненная стратегия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-3/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. III. С. 129-132. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 316.346.2

Социологические науки

В статье предпринимается попытка выявить тенденции в частной сфере современного общества. Трансформационные процессы, затрагивающие ментальную сферу представителей полов, способствуют изменению отношений мужчин и женщин в домашнем кругу. Феминизация общественной жизни разрушает традиционное распределение ролей в семье и может служить источником конфликтов между полами. В то же время «приватизация» своей жизни рассматривается большинством членов общества как неэффективная жизненная стратегия.

Ключевые слова и фразы: ментальность; публичное; частное; гендер; приватизация; патриархат.

Мельников Михаил Васильевич, к. соц. н.

Чуркина Наталия Анатольевна, к. филос. н., доцент

Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет

halkidon_n@list.ru; NB1468@ngs.ru

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ НА ОСОБЕННОСТИ МАСКУЛИННЫХ И ФЕМИННЫХ ПРАКТИК В ЧАСТНОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА[©]

Современный человек оказался в эпицентре значительных изменений, формирующих новый тип общества – постмодернистское общество. В процессе этих трансформаций происходит уменьшение стабильности во всех сферах человеческой жизни. В постмодернистском обществе теряются основания для однозначной трактовки ценностей, идеалов, что приводит в социальную действительность эклектичность, разнообразие и мозаичность.

Под воздействием социальных изменений претерпевает определенные модификации и человеческая ментальность как важнейший элемент структуры массового сознания. Ментальная трансформация приводит к тому, что человек воспринимает окружающий мир как нечто текучее и неустойчивое. В современных условиях каждый человек может сформировать свою версию понимания окружающей действительности, что приводит к появлению множественности социокультурных миров. В рамках постмодернизма наблюдается нивелирование ценностной иерархии, в связи с чем человек теряет свои жизненные ориентиры и может сформировать преимущественно нигилистическую оценку реальности. Формирование стабильной идентичности в подобных условиях затруднено. Ситуация, когда человек отказывается от актуализации своего «Я», означает отказ от понимания собственной внутренней природы и действия в соответствии с ней. Человек попадает под тотальное влияние новых ценностей, навязываемых извне и не соответствующих его внутренним потребностям и стремлениям. Фактически разворачивается процесс формирования кризисного типа личности. Не является более стабильной в таких условиях и гендерная ментальность: одним из важнейших последствий ее модификации выступает неустойчивость гендерной идентичности.

Гендерная идентичность, то есть осознание своего соответствия определенным основаниям мужественности и женственности выступает необходимым детерминантом поведения и самосознания индивида. Ослабление гендерных стереотипов в современном обществе приводит к пересмотру гендерных ролей и отношений мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности.

Одной из важнейших тенденций трансформации гендерной ментальности, детерминированных изменениями в социально-экономической и социокультурной сферах, является феминизация общества, которая проявляется в наращивании представительницами женского пола своего присутствия в политике, бизнесе, науке, искусстве, то есть в тех сферах, которые традиционно считались мужскими. Феминизация обусловлена экономической независимостью женщин, возможностью получения ими образования и самореализации практически во всех сферах жизни. Указанные факторы приводят к ослаблению влияния гендерных стереотипов, и инициируют значительные изменения психологии женщин. Впервые в человеческой истории женский пол изменяется более динамично по сравнению с мужским. Однако подобные модификации противостоят эволюционной логике развития полов. Так, по мнению исследователей, в частности, В. А. Геодакьяна, эволюционные преобразования затрагивают в первую очередь мужской пол – «авангард» человеческой популяции. Что касается женского пола, то он менее изменчив, так как призван обеспечивать сохранение генофонда [5]. Причины подобных модификаций требуют более подробного изучения.

Феминизация современного общества имеет свои особенности: этот процесс осуществляется в условиях сохраняющейся андроцентричности культуры. Поэтому, женщины, желающие преуспеть, сделать карьеру, ориентируются на мужское начало в своем поведении, речи и т.п. Женщины перенимают у мужчин такие образцы поведения и мышления, которые традиционно считались свойственными исключительно представителям мужского пола – агрессию, соревновательность, склонность к риску, активность и инициативность.

Женская эмансипация проявляется как стремление к экономической и правовой независимости, возможность разделять властные функции с мужчинами, а также как возможность принятия самостоятельного решения. Подобная практика вызывает соперничество и конфронтацию женщин и мужчин, при этом последние

теряют свои позиции главы семьи и авторитет хозяина, ранее единолично принимающего решения. Такое положение дел вызывает опасения исследователей. В частности, Н. А. Бердяев определял эмансипацию женщин как уничтожение женственности, как «отречение от женственности, как окончательное упразднение женской индивидуальности и женского назначения в мире» [2].

Перенятые у мужчин образцы поведения женщины реализуют и в приватной сфере, где разворачиваются отношения с детьми, супругами, родными.

По утверждению ряда исследователей (Х. Арендт, З. Бауман, Р. Сеннет, Ю. Хабермас) значимость приватной сферы в современном мире возрастает. Происходит своеобразная «приватизация» общества. Её катализаторами выступает рост нестабильности, рисков и скорости социальных трансформаций. Важнейшими процессами, происходящими в социуме, становятся индивидуализация и рост инноваций, что делает дальнейшее развитие общества непредсказуемым. Стремясь обеспечить свое самосохранение, человек ищет защиты в своем доме, среди родных и близких. Однако пребывание у семейного очага уже не может гарантировать человеку стабильности и бесконфликтности.

Многие ученые констатируют кризисное состояние современной семьи [11]. Действительно, обратной стороной процесса феминизации выступает рост разводов, снижение уровня рождаемости, рост числа внебрачных рождений, а также снижение численности официально зарегистрированных браков. Так, по результатам исследования С. М. Барсукова, В. А. Чуланова, незарегистрированная форма брака, с точки зрения молодежи, является нормой в современном обществе [2].

Значительная занятость женщин в производственной сфере, принятие ими на себя роли кормильца разрушает традиционное распределение ролей в семье, когда мужчина являлся основным добытчиком средств существования, а для женщины приоритетным было ведение домашнего хозяйства. Сегодня мужчина уже не выступает единственным обладателем жизненно важных ресурсов и, соответственно, не может полностью доминировать в отношениях полов. Множество мужчин в современном обществе не имеют возможности соответствовать позиции гегемонной маскулинности.

В теории Р. Коннел гегемонная маскулинность эксплицируется как маскулинный порядок на уровне всего общества, который обуславливает доминирование носителей гегемонной маскулинности над женщинами и подчиненными мужчинами [12]. Традиционно, в течение многих веков, если не тысячелетий, гегемонная маскулинность воспринималась в массовом сознании посредством понятий и образов активного и агрессивного продвижения мужчины в окружающем его мире, открытом, лицом к лицу пресечению им всякого рода сопротивления, предпочтении мужчиной более конкурентных, нежели кооперативных практик достижения успеха и невнимания ко всякого рода «тонким материям». Еще одна форма выражения гегемонной маскулинности воспроизводила в течение многих веков образ мужчины – добытчика и кормильца, воина и охотника, искателя приключений и авантюриста. «Ведение хозяйства, воспитание детей и просто “сидение” дома – дело не богатырское» [6, с. 55], «грабить, разбойничать – в этом нет стыда, это делают лучшие в стране» [7, с. 33].

Для мужчин, стремящихся к позиционированию себя с точки зрения гегемонной маскулинности, оптимальными являются поведенческие стратегии, которые сопрягаются либо с реализацией властных функций (управление, политическая сфера), либо с деятельностью в бизнес-структурах, либо с работой в чисто мужских коллективах, занимающихся тяжелой и опасной работой [16]. Примерами таких групп являются шахтеры, рыбаки, лесорубы, дорожные рабочие, водители-дальнобойщики, пожарные, спасатели и т.п.

Поскольку, приватная сфера не является для мужчины естественной средой, где он может осуществить самоактуализацию и получить одобрение своих действий со стороны других мужчин, как, впрочем, и женщин, мужчины редко сосредоточивают свою основную деятельность как главы семейств и работника в приватной сфере. Чаще всего, уход мужчины в эту сферу является вынужденным. Например, как следствие потери работы и трудностей, связанных с ее поиском. В 2008 году около 140 тысяч отцов в США сидели дома с детьми, в то время когда их жены зарабатывали на жизнь, работая вне дома. Причины этого, в основном, экономические, то есть отсутствие у мужчин подходящей для них работы. Анализ этого нового и малоизученного социального феномена был выполнен Д. Петроски и П. Эдли, которые сами являлись такими отцами во время своего исследования [13]. Авторы пишут о том, что подобные им отцы часто слышат критику со стороны других людей по поводу их деятельности, не вполне свойственной мужчинам. Их часто именуют «неумехами» (в том случае, если они сидят дома, потеряв работу), «бездельниками» и «подкаблучниками». Критики «домашних мужчин» (Буццарелли и Тёрнер, Герген и Герген) считают, что безработные мужчины переживают свой изменившийся статус как его понижение, что ведёт к снижению их авторитета у жён, детей и знакомых. Такие гендерные стереотипы отвергаются многими феминистскими исследователями (Гаванас, Дигби, Дуке и Ваврус), утверждающими, что маскулинность и домоводство не противоречат друг другу, и что «домашние» мужчины не ведут себя как женщины и не превращаются в женщин по мировоззрению, ценностям, привычкам, выполняя домашнюю работу, которую обычно выполняют женщины. По убеждению Петроски и Эдли, изменения, связанные с потерей мужьями и отцами работы, или другие причины, побудившие их сидеть дома (один из авторов стал домохозяйном потому, что писал диссертацию), в целом помогают семьям адаптироваться к нетрадиционным семейным практикам и атипичным гендерным ролям [Ibidem].

Наиболее болезненной ситуацией для самоактуализации и самоидентификации большинства мужчин является потеря работы. Безработица вытесняет мужчин из публичной сферы в приватную, где они являются «чужими», так как социальные стереотипы накрепко связывают домашнюю сферу с функционированием, прежде всего, женщины.

Категория «чужого» получила развитие в работах Б. Вальденфельса, который определяет значение данной дефиниции как то, что лежит за пределами сферы собственного; то, что принадлежит другим; то, что является чем-то иным, необычным, гетерогенным [4, с. 125]. Попав в границы чужой сферы, мужчина не может тут адаптироваться, так как, прежде всего, для женщины приватная сфера представляет собой знакомый, привычный мир и дает возможность реализовать себя в материнстве, домашних делах, рукоделии и пр. Так как приватная сфера считается менее значимой, менее престижной, есть основания говорить о социальной эксклюзии маскулинного начала, вынужденного пребывать исключительно в приватной сфере. В пользу того, что мужчина, заключённый в доме, например, слуга, рассматривался как неполноценный, свидетельствует следующий факт. Мужчинам – домашним слугам в Италии в конце XIX – начале XXI века – не рекомендовалось носить усы, считающиеся, как известно, символом мужественности у многих народов. Р. Сартри пишет об этом пожелании как о попытке подвергнуть мужчин-слуг «символической кастрации» [15].

Однако пребывание и женщин в приватной сфере (семья, дом, быт) в современном обществе оценивается в таких терминах, как геттоизация, или «приватизация женщин» [14, р. 282].

Для современных женщин также не представляются однозначно ценными бывшие ранее традиционными для них способы занятости (ведение хозяйства, воспитание детей, забота о родных, рукоделие и пр.), которые не оплачиваются и являются крайне трудоемкими и энергозатратными, несмотря на возможность использования домашней техники.

Если женщина не имеет возможности эффективно функционировать в публичной сфере и вынуждена реализовывать себя преимущественно как домохозяйка, жена и мать (многодетные матери, женщины с ограниченными возможностями здоровья, вынужденно безработные и пр.), то есть опасность того, что как окружающие, так и она сама будет воспринимать свой статус как маргинальный и не достаточно престижный. В книге «Маргинальность в современной России» приводится следующий ответ на вопрос о своем статусе домохозяйки — жены «нового русского»: «У меня вообще нет никакого статуса. Может быть, я божж, может быть, я нищая, понимаете? Вообще никакого. Но поскольку у меня есть крыша над головой, я, в общем-то, не божж. Но к иерархии какой-то я тоже себя относить не могу, поскольку там не вращаюсь. Поэтому у меня вообще статуса нет. Никакого» [1].

Представляется, что типично женские образцы поведения, связанные с рождением и воспитанием детей, являются ментально обусловленными (в большинстве культур признается решающая роль матери в выхаживании и воспитании ребенка). Однако в современной культуре традиционный образ материнства теряет свою однозначность. Под воздействием феминистской идеологии, социально-экономических изменений женщины допускают для себя возможным минимизировать свои материнские функции или даже окончательно отказаться от материнства. Если женщина реализует и карьерные устремления, и материнскую роль, то сталкивается с множественными трудностями (двойная занятость), решать которые ей приходится подчас только самой. Ответственность за такое положение вещей возлагается исследователями на маскулинную идеологию, которая оперирует патриархальными императивами, являющимися основой гендерной асимметрии в обществе [8]. Дискурсы постоянно воспроизводят традиционную дискриминацию по признаку пола в каждом акте общения [9].

С учетом требований, предъявляемых обществом и к женщинам, и к мужчинам, ментальность современного человека настроена враждебно к уходу в приватную сферу, поскольку это не приносит ему ни признания в обществе и профессии, ни материальных преимуществ. «Приватизация» своей жизни рассматривается такими людьми как личное поражение. В оценке функций членов семьи, связанных с воспитанием детей, уходом за пожилыми и нетрудоспособными членами семьи, уборкой, приготовлением пищи и пр., явственно проглядываются негативные коннотации. Поэтому для отношений между людьми в приватной сфере современного общества всё менее присущи признаки, которые Ф. Тённис описывал некогда, как доверительную, сокровенную, исключительную совместную жизнь [10].

Не выдержав гонки за успехом и признанием в публичной сфере, женщины и мужчины терпят поражение и в сфере частной жизни. Взаимная поддержка, сочувствие, любовь и доверие всё чаще уступают место конкуренции, расчетливости, физической и духовной независимости членов семьи друг от друга.

Список литературы

1. Балабанова Е. С., Барлуцкая М. Г., Демин А. Н., Качкин А. В. Маргинальность в современной России [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Margin/_05.php (дата обращения: 30.12.2014).
2. Барсуков С. М., Чуланов В. А. Незарегистрированный брак в оценках современной российской молодежи // Вестник Южно-российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. 2012. № 6. С. 225-229.
3. Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви [Электронный ресурс] // Эрос и личность: философия пола и любви. М.: Прометей, 1989. С. 17-51. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Berd/MetPol.php (дата обращения: 30.12.2014).
4. Вальденфельс Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии // Мотив чужого: сборник / пер. с нем.; науч. ред. А. А. Михайлов; отв. ред. Т. В. Щитцова. Минск: Прописи, 1999. С. 123-141.
5. Геодакян В. А. Системно-эволюционная трактовка асимметрии мозга // Системные исследования: методологические проблемы: ежегодник-1986. М.: Наука, 1987. С. 355-376.
6. Зайцев П. Л. «Мужское» в словесных формах культуры. Омск: Издательство ОмГПУ, 2007. 216 с.
7. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека / пер. с нем.; Рос. акад. наук, Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. 443 с.

8. Катсификас Д. Ниспровержение политики: европейские автономные социальные движения и деколонизация повседневности / реф. пер. и вступ. ст. В. Яценко. Волгоград: Перемена, 2002. 158 с.
9. Сазонова Л. А., Коваленко С. В. Онтологические особенности гендерных стереотипов в русской ментальности (на основе историко-культурного анализа) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45). Ч. 1. С. 153-158.
10. Теннис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.
11. Яновский К., Русакова Е., Тарановская К. и др. Кризис института семьи в постиндустриальном обществе: анализ причин и возможности преодоления. М.: ИЭПП, 2007. 241 с.
12. Connell R. Gender and Power: Society, the Person, and Sexual Politics. Stanford: Stanford University Press, 1987. 334 p.
13. Petroski D. D., Edley P. P. Stay-at-Home Fathers: Masculinity, Family, Work, and Gender Stereotypes [Электронный ресурс] // The Electronic Journal of Communication. 2006. Vol. 16. № 3-4. URL: <http://www.cios.org/EJCPUBLIC/016/3/01634.HTML> (дата обращения: 30.12.2014).
14. Riesman D., Glazer N., Denney R. The Lonely Crowd. New Haven – L.: Yale University Press, 1966. 315 p.
15. Sarti R. Fighting for Masculinity: Male Domestic Workers, Gender, and Migration in Italy from the Late Nineteenth Century to the Present // Men and Masculinities. 2010. October. Vol. 13. № 1. P. 16-43.
16. Wilk R. Loggers, Miners, Cowboys, and Crab Fishermen: Masculine Work Cultures and Binge Consumption [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yale.edu/agrarianstudies/colloqpapers/12wilk.pdf> (дата обращения: 30.12.2014).

INFLUENCE OF GENDER MENTALITY ON SPECIFICS OF MASCULINE AND FEMININE PRACTICES IN PRIVATE SPHERE OF MODERN SOCIETY

Mel'nikov Mikhail Vasil'evich, Ph. D. in Sociology
Churkina Nataliya Anatol'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering
halkidon_n@list.ru; NB1468@ngs.ru

The article aims to reveal tendencies taking place in the private sphere of modern society. Transformational processes affecting the mental sphere of the representatives of sexes promote the change of the relations of men and women in domestic circle. The feminization of social life destroys the traditional assignment of roles in the family and can serve as a source of conflicts between sexes. At the same time the “privatization” of their lives is considered by the majority of society as an inefficient life strategy.

Key words and phrases: mentality; public; private; gender; privatization; patriarchy.

УДК 2; 21

Философские науки

В современной массовой культуре можно проследить значительный интерес к религиозным сюжетам; с другой стороны, массовая культура генерирует собственные «мифы», которые впоследствии воздействуют на религиозность в обществе. На основе массовой культуры возникают феномены, близкие по ряду своих характеристик к религиозным, подчас даже называемые «религиями», образующие новую религиозность. Этот процесс можно пытаться интерпретировать посредством религиоведческих теорий. Статья посвящена значению религиоведческого изучения религиозных мотивов и образов в массовой культуре.

Ключевые слова и фразы: религия; массовая культура; современный миф; мифотворчество; новая религиозность.

Михельсон Ольга Константиновна, к. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
olia_mikhelson@mail.ru

РЕЛИГИЯ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА В РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ[©]

На протяжении всего XX века наблюдается растущий интерес к массовой культуре, не только у философов, культурологов, искусствоведов и кинокритиков, но и у религиоведов и теологов. В последние годы изучение круга вопросов, связанных с религиозной тематикой в массовой культуре, становится все более и более востребованным в науке о религии, как на Западе, так и в России. Достаточно обратить внимание на значительно возросшее количество научных работ, особенно англоязычных, так или иначе сопряженных с проблематикой религии и массовой культуры, будь то религия в кинематографических и анимационных произведениях, религия в современной популярной литературе, религия в компьютерных играх, в рекламе, в популярной музыке и т.д.

Однако комплексных исследований религии и массовой культуры в отечественной, да и в западной литературе фактически нет. Наиболее разработанным представляется исследовательское поле религиозных мотивов и образов в кино, что явственно прослеживается в англоязычных работах [13; 15; 19, p. 1-44; 27-29].